

*Ridi Pagliaccio,
Sul tuo amore infranto,
Ridi del duol
Che t'avvelena il cor!*

*Смейся, паяц,
Над разбитой любовью,
Смейся и плачь!*

Леонкавалло. Паяцы

*Everyone lies, nobody minds
Everyone lies.
Where is the man you respect?
And where is the woman you love?*

Morrissey. Glamorous Glue

ЛЕНА

*Гудбай, Америка,
Где я не буду никогда.
Услышу ли песню,
которую запомню навсегда?*

Наутилус Помпилиус. Гудбай, Америка

— И ты уже все решил для себя?

— Да. Absolutely... абсолютно.

— И когда ты собираешься уехать в Штаты?

— Еще пару лет, honey. Получу пост head of purchasing, осуществлю some investments, и все. Быстро делать карьеру и состояние можно только в России, you know... а делать investments и жить я хочу в America...

— Наверное, ты прав. — Она отпивает из бокала вино. — Скорее всего, прав. Мать русская, отец американец. Ты думаешь по-английски, а говоришь по-русски. И еще у тебя такой приятный акцент... — Она дотрагивается до моего запястья кончиками пальцев. — Тебе тяжело здесь?

— You know... — Я согласно киваю, поднимаю бокал на уровень глаз и смотрю сквозь него на пламя свечи. — Смотря как себя позиционировать. Иногда я чувствую, что застрял где-то in between, понимаешь? Между Америкой и Россией. Как-то сложно все, понимаешь?

На Лене черный костюм в тонкую фиолетовую полоску от... не знаю от кого. Выглядит как Patrick Hellmann, но, по моим прикидкам, Лена не зарабатывает на Patrick

Hellmann. Под пиджаком белая рубашка, расстегнутая до середины груди так, чтобы было видно красный бюстгалтер. Она часто надевает на наши свидания красное белье. Это знак страсти или свидетельство того, что в детстве она смотрела слишком много дешевой эротики типа «Дикой орхидеи»? Скорее всего второе. Практически все девушки в России смотрели «Дикую орхидею», иначе как объяснить выбор столь пошлого названия для крупнейшей сети магазинов, торгующих нижним бельем и купальниками? Представляете? Большая часть женского населения страны в возрасте от 25 до 40 лет думает, что настоящая страсть — это плохо снятая сцена с Кари Отис, которая фальшиво играет распаленную девственницу с воткнутым в волосы цветком. Впрочем, грудь у Лены натурального третьего размера. И это компенсирует ее детские кинопредпочтения.

На ее левой руке широкий, сплетенный из серебряной сетки браслет от Tiffany, который я подарил ей на Восьмое марта. Периодически она приподнимает руку, заставляя браслет съезжать вниз. Лена сидит нога на ногу, и я уверен, что в этот момент она качает правой ногой с наполовину снятой туфлей Ferragamo. Ближе к концу ужина она ее сбросит и примется засовывать свою ступню мне под брюки. Не потому, что ей это действительно нравится, а потому, что героиня «Дикой орхидеи» делала так же. Или «Основного инстинкта»... Впрочем, какая разница?

Выглядит она на двадцать восемь, всем говорит, что ей двадцать семь, а на самом деле ей уже полгода как тридцать. Два раза в неделю Лена посещает фитнес «Петровка-спорт» (там нет бассейна, зато у нее корпоративный абонемент), три месяца врет всем, что собирается заняться йогой с личным тренером, раз в месяц (иногда реже) красит волосы и стрижется в Jacques Dessange (о существовании Tony&Guy она пока не знает), предпочитает фотозпиляцию bikini-line лазерной, время от времени запаздывает с восковой эпиляцией ног и носит гелевые ногти (предпочитая яркие цвета), тогда как мне больше нравится французский

маникюр. Лена не посещает ночные клубы (цвет лица), не курит (цвет лица) и частенько противодействует попаданию спермы на лицо (казалось бы!). Пьет исключительно вино (в ее холодильнике я как-то видел и пиво), раз в два месяца сидит на диете по кому-то там. Предпочитает рестораны японской или итальянской кухни, скорее из-за социального статуса, нежели из-за вкуса.

Полгода назад она сделала первый взнос на новую квартиру (судя по плану, уродливый монолит в районе Бауманской, 120 квадратов и «нулевой цикл»). Ее нынешняя квартира в Перове обставлена в соответствии с правилами фэншуй в псевдокитайском стиле (IKEA, разбавленная дорогими светильниками и аксессуарами, привезенными из загранкомандировок). Она утверждает, что помешана на минималистском дизайне, что, скорее всего, красивая выдумка (пару раз я видел в ее спальном шкафу плюшевых зайцев и мохнатую розовую подушку). Лена не замужем и не обременена детьми, потому что последние пять лет сосредоточена на карьере аудитора то ли в PriceWaterHouse, то ли в Deloyt, или где-то еще — никак не могу запомнить. Она стремится выглядеть как настоящая европейская бизнесвумен, оплачивая свою часть ресторанного счета золотой AmEx. В тридцать лет она занимает пост заместителя начальника департамента и, должно быть, получает около четырех тысяч долларов в месяц. Ее речь изобилует англицизмами. Например — «это слишком overestimated проблема», говорит она подруге, оплакивающей убежавшего любовника. Ездит Лена на шестой Mazda, взятой в кредит. Ну, это вы и без меня поняли.

— Как-то сложно все, — повторяю я и ставлю бокал на стол, не отпив.

Лена отворачивается. Я замечаю, что ее глаза становятся влажными. Или это эффект освещения? Какое-то время мы сидим молча. Интересно, о чем она думает? О том, как сложно жить в России человеку, чей внутренний мир разрывается между традиционным американским прагматиз-

мом и пресловутой русской духовностью? Или о том, во что трансформируются наши отношения? Например, сможет ли русская женщина с прекрасным именем Елена сделать из экспата русского? Вернуть его к корням, и все такое... Судя по тому, что временами по ее лицу пробегает тень и она морщит лоб, пытаюсь прогнать какую-то мысль, внутри Лены идет борьба. Или напряженный мыслительный процесс. Или все вместе. Она все еще гладит мое запястье.

— Знаешь, — Лена снова поворачивается ко мне, — я поеду с тобой... я не могу без тебя. — В ее зеленых глазах уже нет слез. На типично русском широкоскулом лице читается решимость. Она поправляет браслет, затем слегка закидывает голову назад и подхватывает руками длинные светлые волосы (зачем она так их осветляет, непонятно. Кажется, в оригинале она русая). Она улыбается одними уголками пухлых губ. — Мы поедem в Америку вместе. Понимаешь? Ты и я... К тому времени у нас уже будут блестящие карьеры. Ты возглавишь какой-нибудь департамент в WalMart, я продолжу работать в финансах в BONY, Citibank или JP Morgan Chase... И наши дети будут американцами. В крайнем случае, нам поможет твой отец. В крайнем случае...

И все это она говорит таким тоном, будто вопрос уже решен. Хотя за все шесть месяцев я ни разу не предлагал ей ехать со мной в Америку. Ни единого раза! И эта ее решимость, особенно последние слова, произнесенные с некоторым нажимом, заставляют меня поверить в то, что у Лены все серьезно. И что самое главное, по расписанию. Чтобы не выдать охватившего меня волнения, я снова соглашаюсь, киваю и говорю:

— Блестящие карьеры у нас будут гораздо раньше, honey. Так что помощь моего отца не потребуется. К тому же я не люблю никого просить. I hate it, you know! — Я оборотничательно улыбаюсь и поправляю левую запонку от Paul Smith. Лена счастливо улыбается в ответ. Мы чокаемся, отпиваем вина, тянемся друг к другу губами. Целуемся. Глаза Лены искрятся. Мы снова целуемся. Со стороны

кажется, будто у нас помолвка, хотя это и не так. Наконец приносят горячее, и мы замолкаем, увлеченные едой... или размышлениями о будущем.

Лена ест фаланги краба в кисло-сладком соусе, я — спагетти с мясом краба и томатным соусом (странное сочетание, но довольно вкусно). До этого у нее был тартар из тунца, а у меня сашими из лосося с кресс-салатом. И все это в сопровождении Vermentino из Bolgheri от Antinori. Потом будет кофе, а от десерта мы, скорее всего, откажемся.

Я рассказываю все это не с тем, чтобы продемонстрировать, как хорошо мы разбираемся в гастрономии, а просто чтобы вы поняли, что мы — молодые профессионалы, упріе, если хотите, которые могут себе позволить оставить триста долларов за ужин на двоих в ресторане «Золотой» на Кутузовском проспекте города-героя Москвы.

— Забыла тебе сказать, — Лена пытается достать вилок из панциря мясо краба. — Ко мне обратился приятель, директор по маркетингу компании, выпускающей косметику. Они запустили новую линию...

— Ты предлагаешь мне test it? — смеюсь я, ковыряясь в спагетти.

— Дурачок. Ему нужно инициировать публикацию в «Одиозном журнале», — наконец она справляется с фалангой.

— Инициировать? Как это называется... — Я щелкаю пальцами. — За-каз-няк, да? Ты спрашиваешь, могу ли я помочь тиснуть оплаченный материал?

— Не злись! — Лена сдвигает брови. — Ты можешь помочь? Это мой знакомый, и у него есть бюджет.

— Ex-boyfriend? — смеюсь я.

— Не хочешь — так и скажи! — Лена отворачивается.

— Окей, окей! — Я примирительно дотрагиваюсь до ее запястья. — Нет проблем. Дай ему мой телефон, я что-нибудь придумаю.

Чтобы исчерпать этот мелкий конфликт, я выхожу в туалет, хотя вообще-то мне туда не нужно. Закрывшись в ка-

бине, сажусь на унитаз, достаю сигарету и закуриваю. Не то чтобы Лена не любит, когда я при ней курю, просто мне захотелось провести пару минут в одиночестве. Докурив, я встаю, подхожу к умывальнику, включаю воду и смотрю на себя в зеркало. Черные волосы, крупные черты лица, красиво очерченные губы, слегка заметные синяки под глазами. Я выгляжу так, как и должен выглядеть преуспевающий менеджер среднего звена. На мне серый, в бледно-розовую полоску костюм от «Canali», однотонная розовая рубашка от «Pal Zileri», запонки, коричневые ботинки «инспектор», также от «Zileri» (ботинок в зеркало не видно). Я не ношу часов, предпочитая следить за временем с помощью Nokia 8800 за тысячу долларов. Последние четыре года я устраиваю в гостиницах скандалы, если не нахожу в ванной любимой пасты «Lacalut». Мне двадцать семь лет. Я ни разу в жизни не ел вермишели «Роллтон»...

Через час мы в Перове, в Ленкиной квартире. В гостиной, уже наполовину раздетый, я показываю ей газету «Коммерсантъ», прихваченную в ресторане. На первой полосе пишут о том, что «крупнейший в мире ретейлер, американская корпорация WalMart, два года назад открывшая офис в России, объявила о приобретении пяти гипермаркетов в Москве».

— Помнишь, в ресторане я сказал тебе, что наши блестящие карьеры состоятся раньше, honey? — Я протягиваю ей газету. — Look!

Лена пробегает глазами текст и улыбается:

— Скажи, тебе просто повезло? Или тебе сообщили об этом сегодня в офисе и ты подводил меня к теме?

— Случайно, honey, случайно, — смеюсь я.

— Как тебе это удается? — Лена обнимает меня за шею.

— Все зависит от того, как себя позиционировать. Я думаю... — но договорить не получается, потому что Лена увлекает меня в постель.

Через десять минут она сидит на мне, ритмично двигаясь. Красный бюстгальтер остается неснятым. Сегодня какой-то особенный день?

— Я хочу от тебя детей, — шепчет она, наклонившись к моему лицу и касаясь моей щеки влажными губами. — Понимаешь?

Я еле удерживаюсь от того, чтобы не ответить: «Я, типа, тоже». Хотя, если честно, первая моя реакция — вскочить и надеть презерватив. Вместо этого я обнимаю ее, мы долго целуемся, я шепчу:

— I love you, baby, — и добавляю уже по-русски: — Я люблю тебя...

— Я люблю тебя! — кричит Лена.

— Я люблю тебя! — кричу я. Можно было бы укусить ее за мочку уха, да только это слишком уж отдает «Орхидеей». Поэтому я просто снова целую ее в губы.

Кажется, она опять принимается плакать...

РИТА

*Телка-модель — это не модно,
Телка-модель — вчерашний день.
Бери поводок — выводи урода,
Телку-модель,
Телку-модель.*

КАЧ. Телка-модель

— Вау! Нереально! И кто это устраивает? Тарико? Класс! — Рита поворачивается ко мне, не отрывая LG Prada от уха, и поднимает левой рукой бокал с мохито, будто бы чокаясь со мной на расстоянии, хотя мы сидим рядом. Последние полчаса ей звонят каждую минуту. В те редкие моменты, когда не звонят, звонит она. Диалоги стандартные: она рассказывает подругам, где находится, подруги рассказывают, где находятся они. Между приветствиями — описание присутствующих, смешки, междометия, восклицания «Вау!», «Класс!», «Супер!» и «Бред какой-то». Разговор сопровождается отчаянной, киношной жестикуляцией. Обычно так выглядят люди, копирующие манеру поведения отечественных кинозвезд. Рита же выглядит как копирующая манеру поведения людей, копирующих отечественных кинозвезд.

Периодически мы возвращаемся к предмету нашего разговора, каждый раз вспоминая, на чем остановились. В какой-то момент я теряю нить и желание договорить до конца и начинаю думать, куда же подевался Пашка.

— И ты уверен, что уложишься в полгода?

— Что? Ты мне?

— Тебе. Ты действительно уверен, что откроешь этот бар за полгода? — Я не заметил, как Рита закончила очередной разговор, положила мне руку на колено, а другой обняла за шею. На левой руке у Риты «Zenith Lady Star» на голубом ремешке. Надо же, а я вначале и не заметил. Интересно, настоящие?

— Сто процентов. Там ремонт минимальный. — Я закуриваю. — Помещение небольшое, с инвесторами полное понимание, контракты со спонсорами: алкоголь, сигареты. Из геморроя только — найти нормальных строителей и быстро получить лицензию на алкоголь.

— Ты уже думал, как его назовешь?

— Скорее всего, «Нефть». Врубается? «Не-е-е-фть», — нараспев повторяю я название будущего бара. — Это тебе не какой-нибудь очередной цифровой бар типа «13/7», «Семь» или «Один». Тут все будет концептуально. Начиная с названия.

— Концептуально? — Она делает глоток мохито. — Кто в наше время в этом разбирается? Все хотят фана, легких наркотиков и хорошей музыки. Ну, в смысле, которая не напрягает. — Она засовывает ладонь мне под футболку. — Тебе, с твоей вечной тягой к эстетике, должно быть тяжело...

— Знаешь, — я одним глотком допиваю виски. — С одной стороны, не стоит считать обывателей быдлом. В конце концов, мы работаем для них. Они несут свои деньги в ночной город, и все такое. С другой — девяносто процентов людей, с которыми встречаюсь, мне отвратительны. И я бы платил им свое бабло, лишь бы никогда и нигде с ними не встречаться. Как-то сложно все...

— На самом деле все просто. — Она целует меня в щеку. — ВСЕ ОЧЕНЬ ПРОСТО. Если не усложнять. Не грузись. Пойдем...

— Как Шитиков? — спрашиваю я по дороге к танцполу. — Не надумал насчет корпоратива? Нам нужна площадка.

Сзади раздается хлопок. Я инстинктивно оборачиваюсь и вижу бармена, замершего с бутылкой «Bacardi» в руках. На стойке перед ним разбросаны мята и куски льда для мохито вперемешку с осколками стакана. Бармен стоит и тупо пялится то на стойку, то на бутылку. Мы с Ритой рассматриваем бармена, будто чего-то ожидая. Например, что бокал магическим образом соберется обратно.

— Как Шитиков? — повторяю я вопрос.

— Шитиков? Ах да! Он обещал перезвонить завтра и все решить. — Рита берет меня за руку и увлекает за собой.

Мы выходим из VIP-зоны, спускаемся по лестнице и попадаем на танцпол. Масса танцующих равномерно распределена вокруг двух тумб с go-go girls. Девушки одеты в красные купальники, их тела накачаны, движения гиперэротичны, лица отсутствующие.

— SUPERNATURE! SUPERNATURE! — звучит из динамиков. Диджей кидает в зал пустую пластиковую бутылку, и танцпол взрывается, вздев руки в едином порыве.

— НЕ ГРУЗИСЬ! — кричит мне Рита и начинает танцевать.

Она очень сексуально двигается и моментально становится объектом внимания двух танцующих рядом мальчиков, одетых одинаково: голубые джинсы и обтягивающие белые футболки.

— В смысле? — спрашиваю я, делая шаг вперед и придвигаясь к Рите вплотную. Но она меня уже не слышит — облизывает губы, закрывает глаза и вздымает руки вверх. Кажется, она полностью отключилась, сосредоточившись на музыке. Со стороны это выглядит безумно притягательно.

На Рите голубая футболка с глубоким вырезом, надетая на голое тело, узкая джинсовая юбка и босоножки. Она выглядит на двадцать пять (когда молчит), рассказывает всем, что ей почти двадцать шесть, хотя месяц назад ей исполнилось двадцать три. Четыре раза в неделю Рита посещает фитнес Dr.Looder (беговая дорожка, тренажеры, бассейн), четыре раза в неделю — клубы (пятница, суббота, воскре-

сенье, утро понедельника), не пропускает ни одной распродажи в магазинах «ЦУМ», «Остатки сладки», «Подиум», — хотя основное место ее покупок все-таки «Дисконт-центр» на Саввинской (не признается в этом даже близким подругам). Многим врет, что учится заочно в РГГУ на менеджменте (хотя там учится ее подруга), раз в месяц где-то стрижется под мальчика, волосы не красит (натуральный цвет воронова крыла), рассказывает, что делает французский маникюр и эпиляцию голеней в «Персоне LAB» (на самом деле на дому у знакомой маникюрши, которая действительно работает в «Персоне»), время от времени начисто выбривает лобок.

Рита употребляет легкие наркотики (здоровье позволяет), не соблюдает диету (возраст позволяет) и является яркой противницей курения (вредно для здоровья). Пьет исключительно... да почти все, кроме водки. Предпочитает городские кафе типа «Этаж» или «Курвуазье» один раз в день, на завтрак (около часу дня).

Год назад у Риты появился зеленый «Mini-Cooper» (подарили родители, занятые, по слухам, добычей газа). Она снимает восьмидесятиметровую студию в районе Кутузовского («не хочу зависеть от родителей»), хотя в действительности это «в районе» находится у метро «Молодежная». Квартира увешана работами псевдовеликих «молодых русских фотографов». На фотографиях в основном она. Интерьер минимальный — большая плазма, музыкальный центр, ванная с кучей средств по уходу за кожей, кухня, забитая коробками мюслей и соковыжималками (многие не работают), большая красная кровать и пара шкафов («нет желания серьезно тут обустроиваться»). Да, и еще свечи. По всей квартире. Очень много больших, маленьких и средней величины свечей. С разными ароматами. «Как в дорогом спа-отеле», — говорит Рита тем, кто впервые у нее в гостях. Не знаю, как насчет спа, но у меня лично, как закрою глаза, возникает навязчивое ощущение, будто я завернул в церковь.